

А.В. Васильева, З.И. Резанова

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ ДИМИНУТИВА: СООТНОШЕНИЕ С ОЦЕНОЧНОСТЬЮ, ЧАСТОТНОСТЬЮ, ВОЗРАСТОМ УСВОЕНИЯ, КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ МАРКИРОВАННОСТЬЮ

Представлены результаты экспериментального исследования эмоциональности, оценочности, контекстуальной соотнесенности, частотности, возраста усвоения русских диминутивов. Доказано наличие статистически значимых корреляций выделенных параметров, подтверждена гипотеза о взаимовлиянии фактора эмоциональности и других психолингвистических характеристик эмоциональных и нейтральных слов, определена специфика корреляции данных параметров в группе лексем-диминутивов в сравнении с оценочными и нейтральными единицами других классов.

Ключевые слова: диминутив; эмоциональность; оценочность; контекстуальная соотнесенность; частотность; возраст усвоения; корреляционный анализ

В настоящее время категория эмоциональности языка и речи активно исследуется учеными-лингвистами на материале различных языков и в разных аспектах.

В качестве средств выражения эмоциональности изучаются единицы разных уровней языка: лексики [1–3] грамматики (морфологии, словообразования и синтаксиса) [4, 5]. При этом, безусловно, исследования лексических ресурсов эмоциональности языка и речи являются доминирующими как по числу публикаций, так и по аспектам анализа.

Объектом нашего рассмотрения является класс слов, который независимо от различий в трактовке эмоциональности входит в состав данного класса слов, это так называемые диминутивы – класс производных единиц, основная функция которых состоит в выражении эмоционально-оценочного отношения говорящего к предмету, названному производящим словом. В литературе отмечается совмещенность в семантике диминутивов смыслов рациональной оценки с широким спектром эмоциональности, реализация которой варьируется в различных контекстных условиях [6–8].

Предмет анализа – специфика восприятия и когнитивной обработки диминутивов как единиц эмоционально-оценочной семантики. Мы связываем эту проблему с разрешением общего исследовательского вопроса – существует ли различие в восприятии эмоционально окрашенных и нейтральных слов, т.е. влияет ли эмоциональный семантический компонент на когнитивную обработку слова.

Однако при исследовании лексических средств выражения эмоциональности и процессов когнитивной обработки эмоциональной лексики обнаруживаются весьма различные позиции в понимании самого феномена эмоциональности и, в связи с этим, методов выделения эмоциональных лексических единиц (ЛЕ), как следствие – границ данных классов ЛЕ.

Различия в интерпретации одних и тех же единиц могут быть мотивированы своеобразием методологических установок и целеполагания научных направлений. В первом случае, на наш взгляд, весьма значительно противопоставляются собственно лингвистический, с одной стороны, и психолингвистический и когнитивный – с другой, подходы¹.

При собственно лингвистическом подходе эмоциональность интерпретируется как компонент конно-

тативного макрокомпонента значения, коннотации слова, которая противопоставляется денотативному макрокомпоненту значения. Эмоциональность как компонент одного из слоев сложно организованной структуры лексического значения выявляется с применением структурных методов: с использованием приема анализа лексического окружения слова (дистрибутивный анализ) и оппозиционного анализа – сравнения значений в парадигме.

С позиций современной психолингвистики и когнитивной науки эмоциональность понимается как один из компонентов когнитивного субстрата формирования компонентов лексического значения слова, как компоненты смысла, актуализируемые при восприятии и произнесении лексических единиц языка. Выраженная в речи эмоциональность предстает как бесконечная шкала переходов между максимально актуальными эмоциональными смыслами и смыслами, стремящимися к нулю. Однако и в единицах последних классов эмоциональное отношение к объекту может быть актуализованными в каких-либо ситуациях, а сами номинации вызывать определенный, хотя и весьма незначительный эмоциональный отклик. Компоненты эмоциональности выявляются при помощи экспериментальных методик, как прямого анкетирования (обычно применяется метод шкалирования Лайкерта) (например, [9, 10] и др.), так и с использованием экспериментов, направленных на определение влияния неосознаваемой субъектом эмоциональности слова при решении разного рода когнитивных задач (например, [11, 12] и др.).

При психолингвистическом подходе круг исследуемых эмоциональных единиц более широк по сравнению с собственно лингвистическим. Единицам присваивается статус эмоциональных не на основании лингвистического анализа их лексического значения в контексте, а на основании того, какую характеристику им дают воспринимающие их носители языка, на основании данных о влиянии эмоциональных смыслов на восприятие и когнитивную обработку слова. В этом случае выделяют три типа эмоциональных единиц:

1) слова, называющие эмоции (*emotion words*), – единицы, которые непосредственно соотносятся с каким-либо эмоциональным состоянием (*грусть, радость*), процессом (*беспокоиться*); описывают (*она грустная*) или выражают его (*я веселый*);

2) слова, связанные с эмоциями (emotion-related words) – единицы, которые характеризуют поведение, свойственное для какого-либо эмоционального состояния (*смех, истерика, кричать*);

3) так называемые эмоционально нагруженные слова (emotion-laden words), это слова, которые либо выражают эмоции говорящего по отношению к предмету речи (*весельчак, лузер*), либо способны вызвать эмоции у собеседников (*злокачественный*). В эту же группу включаются разного рода инвективы, нецензурные слова, междометия, ласкательные слова и др. [13].

В российской лингвистической традиции эмоциональные ЛЕ – это слова с особым типом коннотации, которые обозначают эмоциональные реакции говорящего по отношению к предмету речи: одобрительное, ласкательное, уничижительное, презрительное и т.п. На наш взгляд, данное определение границ эмоциональной лексики в наибольшей степени соотносится с третьей группой, выделяемой в психолингвистической традиции (emotion-laden words). Однако и в данном случае мы обнаруживаем различия трактовок двух традиций. Как уже было отмечено, с точки зрения психолингвистического подхода эмоциональное отношение к денотату-референту – это континуум: референт любого слова может получить более или менее выраженное эмоциональное отношение, даже таких единиц, как *стол и глаза*, т.е. тех, которые никогда не включались в сферу эмоциональной лексики в лингвистических исследованиях эмоциональности. За пределы эмоциональной лексики в «узком» варианте лингвистической интерпретации выводятся следующие группы ЛЕ: названия чувств, эмоций, переживаний (*любить, ненавидеть, брезгливо и т.п.*); слова, которые объективируют оценку (*плохой, хороший, умный*); слова-интенсивы (усилители), обозначающие высокую степень чего-либо (*ливень, хохотать, ярость*); междометия (*ой, батюшки!*); повторные номинации (*так-сяк, шито-крыто, шуры-муры*); слова, не имеющие предметного содержания и не связанные с определенным кругом предметов (*чушь, вздор, чертовщина, дьявольщина*) [1. С. 41].

При собственно лингвистическом и психолингвистическом подходах эмоциональность рассматривается как категория, соотношенная с другими категориями смысла или лексического значения слова.

В работах психолингвистической проблематики анализируется соотношенность эмоциональности с категориями: 1) valence, или evaluation (коннотация, или оценка), – восприятие стимула как положительного или отрицательного; 2) arousal, или activity – (активация) – это степень, в которой стимул является «спокойным» или «волнующим». При этом отрицательные стимулы могут быть «волнующими» (*dirt* ‘грязь’) и «спокойными» (*snake* ‘змея’), и положительные стимулы могут быть также «волнующими» (*love* ‘любовь’) и «спокойными» (*sleep* ‘сон’) [14].

В собственно лингвистических исследованиях эмоциональная лексика, как правило, рассматривается в качестве разряда более широкого класса экспрессивной лексики; экспрессивность понимается как «свойство лексической единицы, связанное с ее способностью актуализировать качественно-количест-

венную характеристику реального предмета, выделить особенность данного предмета на фоне однородных с ним предметов и выразить эмоциональную оценку предмета речи, данную ему от лица, говорящего» [1. С. 41]. В пределах экспрессивной лексики категориальное значение эмоциональности рассматривается в соотношении с категориями образности, оценочности и интенсивности [2, 15–17]. Как следует из приведенного выше определения, наиболее непосредственно в семантической структуре экспрессивного слова эмоциональность связана с оценочностью. Сторонники такого подхода утверждают, что оценочность, представляемая как соотношенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами человека, не составляют двух разных компонентов значения, они едины, как неразрывны оценка и эмоция на внеязыковом уровне: «...оценка как бы скрыта в эмоции, а в конкретных высказываниях разворачивается в большей или меньшей степени», – утверждает Н.А. Лукьянова [1. С. 45]. Данный тип оценки противопоставляется оценке рациональной, которая предполагает осмысление объектов с точки зрения их соответствия установленному стандарту или норме (эмоциональная – рациональная: *умный – умный, много работать – шачить*) [18]. При этом сема «эмоциональная оценка» имеет два варианта – положительная или отрицательная оценка, каждый из которых в конкретных случаях представлен аллосемами – одобрительное, ласкательное, уничижительное, презрительное и др. Кроме этого есть промежуточная зона, выраженная аллосемами – ироничное, шутливое и пр.

Что касается категории интенсивности, то в собственно лингвистической интерпретации как составляющая экспрессивного слова она относится к области коннотативной семантики. И если в номинативных единицах интенсивность выражает реальную меру явления (*длинный, высокий*), то в экспрессивах она получает значимость только в том случае, когда количественная характеристика подчеркивает отклонение от нормы, выделенность, по мнению говорящего, описываемого предмета из ряда схожих с ним (*длиннющий, хлынуть, разнузданный*).

Таким образом, во-первых, мы наблюдаем значительные расхождения в подходах к выделению класса эмоциональных единиц в различных традициях, определяющих разные границы класса; во-вторых, наличие общего класса единиц, которые относятся к эмоциональным, это класс emotion-laden words, или собственно эмоциональные слова, при том что границы класса могут существенно различаться; в-третьих, при различном терминологическом выражении исследователи, принадлежащие разным научным направлениям, отмечают теснейшую связь и взаимообусловленность выражения эмоциональности и интенсивности (arousal, activity), эмоциональности и оценки (valence, evaluation).

Объектом нашего рассмотрения является класс слов, который, независимо от различий в трактовке эмоциональности, входит в состав данного класса слов; это так называемые диминутивы – класс производных единиц, основная функция которых состоит в

выражении эмоционально-оценочного отношения говорящего к предмету, названному производящим словом. В литературе отмечается совмещенность в семантике диминутивов смыслов рациональной оценки с широким спектром эмоциональности, реализация которой варьируется в различных контекстных условиях [19].

Предмет анализа – специфика восприятия и когнитивной обработки диминутивов как единиц эмоционально-оценочной семантики. Мы связываем эту проблему с разрешением общего исследовательского вопроса – существует ли различие в восприятии эмоционально окрашенных и нейтральных слов, т.е. влияет ли эмоциональный семантический компонент на когнитивную обработку слова.

Разрешению данной проблемы посвящены многочисленные исследования, проводимые преимущественно на материале английского языка и с использованием различных методов, однако наиболее распространены работы, связанные с распознаванием слов – одиночных или распознаваемых в контексте. При этом отмечается противоречивость полученных результатов и множественность их интерпретаций (см. обзоры работ, посвященных данной проблеме: [14, 20]).

Как представляется, неоднозначность полученных результатов объясняется несколькими основными причинами:

1) разнородностью исследуемого эмпирического материала, относимого к классу эмоциональной лексики. Как показывает анализ литературы, в большинстве исследований в качестве материала используются слова, которые в российской лингвистической традиции выводятся за границы эмоциональной лексики. Это могут быть существительные или прилагательные, которые вызывают отрицательные или положительные эмоции у говорящего (*gun* – «оружие», *win* – «выигрыш», *echo* – «эхо») [21] либо называют положительные или отрицательные качества предметов, однако не выражают отношение говорящего к этим предметам и качествам (*optimistisch (optimistic)* – «оптимистичный», *grausam (cruel)* – «жестокий») [22];

2) непоследовательным разграничением влияния компонента эмоциональности и других компонентов синкретичной семантики слова, называемого в русской лингвистической традиции экспрессивным (эмоциональность и тип оценки – положительная или отрицательная);

3) недостаточным разграничением действия фактора эмоциональности и других психолингвистических факторов, влияющих на когнитивную обработку слова, к которым относят прежде всего частоту слова, возраст усвоения, семантическую насыщенность слов, и др.

Вследствие этого в настоящее время проводятся исследования, направленные на анализ влияния фактора эмоциональности слова во взаимодействии с другими, такими как частотность слова и уже упоминавшиеся характеристики – активация (*arousal*) и оценка (*valence*). Так, например, многие исследователи говорят о влиянии фактора частотности слова на скорость его распознавания [23, 24]. Эффект частот-

ности слова представляет собой поведенческое преимущество в распознавании часто используемых высокочастотных слов по сравнению с низкочастотными словами. Частотный эффект слова считается надежным показателем лексического доступа: взаимодействие между эмоциональностью слова и частотой будет означать, что эмоциональность слова может влиять на ранние, лексические этапы распознавания слова. При этом данный эффект демонстрируется не только в экспериментах на скорость реакции, но и в измерениях электрофизиологии мозга, и в продолжительности фиксирования глаза во время беглого чтения [8, 25].

Влияние факторов активации (*arousal*) и оценки (*valence*) рассматривается как изолированно, так и во взаимодействии. Так, например, R.J. Larsen, K.A. Mercer D.A. Balota и M.J. Strube при проведении эксперимента на принятие лексического решения обнаружили взаимодействие между активацией и оценкой: имеет тенденция к замедлению скорости реакции на слова с низкой степенью активации в сочетании с семантикой отрицательной оценки, в сочетании с положительной оценкой происходит ускорение принятия лексического решения. Однако у слов с высокой степенью активации интеракция с оценкой практически отсутствует [26].

Исследуется также взаимодействие фактора эмоциональности слова с состоянием настроения испытуемого. Настроение может быть надежно индуцировано у людей с помощью нескольких различных лабораторных процедур, включая технику самопровозглашения, прослушивание музыки, просмотр фильмов и гипнотическое внушение. Для экспериментов по распознаванию слов обычно предпочтительнее вызывать настроение невербальным методом прослушивания инструментальной музыки [9, 27].

В наших предыдущих исследованиях, которые проводились на материале русских эмоциональных единиц, также было выявлено влияние ряда факторов на когнитивную обработку слов [28–30].

При постановке проблемы мы исходили из того факта, что для русского языка характерна развитая система деривационного, морфологического маркирования эмоциональной семантики, поэтому в качестве стимулов были привлечены слова разных частей речи (прилагательных, глаголов, существительных), содержащие морфологически маркирование положительной и отрицательной оценочной семантики. Данные стимулы были введены в ряд экспериментальных заданий: задание на принятие лексического решения (*lexical decision task*), на категоризацию (*categorisation task*), на понимание прочитанного (*reading comprehension task*).

Проведенные эксперименты также продемонстрировали противоречивые результаты. В системе данных экспериментов наименее значимое влияние эмоциональности было получено на материале имен существительных с диминутивными суффиксами в противоположность материалу глаголов с эмоционально оценочными суффиксами отрицательной семантики, где фактор эмоциональности оказался значимым. Однако в каждом из проведенных экспериментов было

выявлено взаимодействие фактора эмоциональности с другими факторами: одушевленность / неодушевленность референта экспрессивного слова, тип референта предложения, тип эмоциональных коннотаций, выраженных в контексте.

Полученные результаты послужили основанием формулирования гипотезы о том, что эмоциональность вступает во взаимодействие и с другими семантическими и психолингвистически релевантными параметрами, влияющими на обработку слова, которые не контролировались в наших предыдущих исследованиях.

Цель статьи – выявление корреляции эмоциональной семантики русских диминутивов с психолингвистически релевантными параметрами: оценочность, контекстуальная соотнесенность, частотность, возраст усвоения; выявление специфики корреляции параметров в группе лексем-диминутивов в сравнении с оценочными и нейтральными единицами других классов.

Привлечение диминутивов в качестве эмоциональных стимулов в данном исследовании было мотивировано рядом причин. С одной стороны, как уже отмечалось, диминутивы представляют собой довольно разнообразные и неоднозначные по своей семантике единицы. С другой – коннотативный статус эмоционально-оценочных смыслов в структуре семантики диминутива позволяет считать диминутивы эмоциональными единицами как с точки зрения лингвистического подхода, так и с точки зрения подхода психолингвистического.

Группы стимулов для анализа формировались на основе данных «Большого толкового словаря русских существительных» Л.Г. Бабенко [31], в котором слова представлены в виде систематизированных групп по тематическому принципу. Были отобраны те единицы, которые имеют отношение к человеку и его окружению: наименование родственных связей (*папа, тетя, бабушка, жена*), частей тела (*рука, живот, глаз, желудок*), предметов одежды (*блуза, джинсы, костюм, кофта*), предметов домашнего быта и предметов мебели (*вилка, стул, ковер, кушетка*). Важно отметить, что, исходя из цели исследования, из указанных групп отбирались слова, от которых могут быть образованы формы с диминутивными суффиксами: *вилка – вилочка, рука – ручка, папа – папочка*. Кроме того, были сформированы группы слов с положительным (*великолепие, шедевр, прелесть, триумф*) и отрицательным значениями (*идиотство, тушица, безобразие, мерзость*), которые использовались в качестве слов-филеров, с целью определения наиболее точного места диминутивов на шкале эмоциональности. Общее количество стимулов – 371, из которых 163 единицы – производные слова, 166 – диминутивы, образованные от производных слов, 42 – филеры.

Для того чтобы получить данные, которые позволили бы сформировать группы стимулов, сбалансированные по психолингвистическим параметрам, данные стимулы были введены в серию экспериментов, в процессе проведения которых участникам предлагалось оценить лексические единицы по шкале от 1 до 7 по следующим параметрам:

- сила эмоции (что, как мы считаем, соотносится с психолингвистическим параметром *arousal*);
- тип оценки (соотносимый с параметром *valence*);
- типовые контексты использования: а) в разговоре, о ком чаще используется слово, б) в разговоре, с кем чаще используется слово;
- возраст усвоения слова;
- частотность.

Первые три параметра связаны с эмоциональностью, действие четвертого и пятого универсально для всех групп лексики.

Экспериментальное исследование проводилось с использованием распечатанных на бумаге анкет. Все стимулы были разделены на 6 списков, от 60 до 70 существительных в каждом. Слова в списках были упорядочены случайным образом. На каждом листе была размещена инструкция для соответствующей шкалы. При формулировании текстов инструкций мы опирались на опыт аналогичных исследований.

Время работы не было ограничено, заполнение одной анкеты варьировалось от 5 до 15 минут. Каждый участник получал не более двух случайно отобранных списков. Никто не оценивал одни и те же слова дважды.

Исследование было одобрено Этическим комитетом Международного центра исследований развития человека и Лаборатории когнитивных исследований языка ТГУ. Испытуемые были информированы о цели исследования и заполнили листы информированного согласия на участие в экспериментах. Все данные являются анонимными.

Испытуемые – студенты филологического факультета и факультета иностранных языков ТГУ, возраст – от 17 до 28 лет, 240 человек (86 мужчин и 154 женщины), каждый заполнял не более 3 анкет. Все участники указали русский язык как родной.

В результате было получено 53 634 наблюдения. Из анализа были исключены 4 анкеты, в которых испытуемые указали в качестве родного языка не русский (казахский). Кроме того, из анализа были исключены 9 анкет, в которых участники использовали для оценивания менее 3 измерений шкалы. На каждое слово в среднем было получено около 145 оценок. Каждый эксперимент прошли не менее 20 испытуемых, что соответствует требованиям примененной парадигмы экспериментальных исследований.

Первым параметром, который проверялся при помощи эксперимента, была субъективная частотность лексических единиц. Частотность (субъективная или объективная) является одной из основных характеристик, которые, как правило, контролируются при проведении психолингвистических экспериментов. В нашем случае использование параметра объективной частотности, которая обычно относительно русскоязычных лексем определяется с использованием словаря О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова, не представлялось возможным, так как большинство выбранных нами слов-стимулов с диминутивными суффиксами не представлены в указанном словаре, т.е. имеют относительно низкую частотность (< 1).

Для определения субъективной частотности в ходе заполнения анкеты респондентам предлагалось оце-

нить слова, данные в списке, по частоте их использования в речи людей от 1 до 7, где единица соответствовала наименее частотному слову, а 7 – самому частотному.

В результате было получено 9 323 наблюдения, в анализ было включено 9 191 наблюдение.

Вторым контролируемым параметром явилась степень эмоциональности стимулов. При заполнении данной анкеты испытуемым предлагалось оценить единицы из списка по критерию эмоциональности (от 1 до 7), где единица соответствует оценке «неэмоциональное слово», а 7 – «эмоциональное» (2 – «не совсем эмоциональное, но близкое к нему», 3 – «скорее нейтральное, чем эмоциональное», 4 – «как нейтральное, так и эмоциональное», 5 – «скорее эмоциональное, чем нейтральное», 6 – «не самое эмоциональное, но близкое к нему»). Для большей наглядности респондентам предлагалось несколько примеров оценивания единиц. Например, *пьющий человек* – неэмоциональное слово (1), *алкоголик* – как нейтральное, так и эмоциональное (4), *пьянчуга* – эмоциональное (7).

В результате было получено 9 705 наблюдений, в анализ было включено 9 437 наблюдений.

Следующий тест был направлен на выявление оценки, выражаемой тем или иным словом-стимулом (отрицательной, положительной или нейтральной). Респондентам предлагалось оценить слова из списка по тому, какая эмоциональная оценка к называемому лицу или предмету выражается данным словом – положительная, отрицательная или нейтральная по шкале от 1 до 7, где 1 соответствует слово с отрицательной оценкой, а 7 – с положительной (2 – не совсем отрицательное, но близкое к нему, 3 – скорее нейтральное, чем отрицательное, 4 – нейтральное слово, 5 – скорее положительное, чем нейтральное, 6 – не самое положительное, но близкое к нему). Для наглядности испытуемым также предлагались примеры: слова с отрицательной оценкой. В результате было получено 8 680 наблюдений, в анализ было включено 8 478 наблюдений.

В четвертом и пятом экспериментах проверялось наличие устойчивой контекстной связи реализации эмоциональной семантики единиц с диминутивными суф-

фиксами, что было ранее установлено в исследованиях с использованием лингвистической методологии [18], а также исходя из данных о взаимодействии факторов экспрессивности и контекстуальной соотнесенности слов, полученных нами ранее с использованием психолингвистических экспериментальных методик [32].

Испытуемым предлагалось оценить наличие закреплённости единиц за типовыми контекстами использования (в разговорах с детьми и о детях, в разговоре о взрослых и со взрослыми) по шкалам от 1 до 7, где 1 – это слово используется в разговоре только с детьми (о детях), 7 – это слово используется в разговоре только со взрослыми (о взрослых) (2 – это слово используется в разговоре с детьми (о детях) чаще, чем со взрослыми (о взрослых), 3 – это слово скорее используется в разговоре с детьми (о детях), чем со взрослыми (о взрослых), 4 – это слово используется в одинаковой степени как в разговоре с детьми (о детях), так и в разговоре со взрослыми (о взрослых), 5 – это слово используется скорее в разговоре со взрослыми (о взрослых), чем с детьми (о детях), 6 – это слово используется в разговоре со взрослыми (о взрослых) чаще, чем в разговоре с детьми (о детях)).

В результате по параметру «использование в разговоре о ребенке / взрослом» было получено 8 042 наблюдения, по параметру «использование в разговоре с ребенком / взрослым» – 9 256, в анализ было включено 7 906 и 9 124 наблюдения соответственно.

В шестом эксперименте определялся возраст усвоения слов, что было мотивировано наличием данных о влиянии указанного параметра на когнитивную обработку слов. В экспериментальном задании участникам претеста предлагалось оценить стимулы по тому, в каком возрасте они впервые услышали и / или начали использовать то или иное слово (0–2 года, 3–5 лет, 6–9 лет, 10–13 лет, 14–17 лет, 18 лет и старше)².

В результате было получено 8 628 наблюдений, все наблюдения были включены в анализ.

Описательные статистики полученных результатов по параметрам «субъективная частотность», «тип оценки», «степень эмоциональности», типовым контекстам сочетаемости и возрасту усвоения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Описательные статистики эмоциональности и смежных категорий

Показатель	Средн.	Min	Max	Q1	Q2	Q3	Ст. откл.	IQR
Тип оценки	3,451 650	1,0 248	6,8 967	2,7 000	3,5 667	3,9 333	0,960 058	1,233 333
Степень эмоциональности	2,779 697	1,0 000	6,0 455	1,5 000	2,9 286	3,7 273	1,280 779	2,227 273
Субъективная частотность	4,062 272	1,1 852	6,9 524	2,8 800	4,1 071	5,2 800	1,410 025	2,400 000
Разговоры с ребенком / взрослым	3,974 452	1,9 167	6,6 538	3,0 667	4,0 000	4,6 957	1,085 938	1,628 985
Разговоры о ребенке / взрослом	4,124 302	1,8 276	6,8 235	3,1 667	4,1 667	4,8 621	1,113 903	1,695 402
Возраст усвоения	2,509 129	1,0 455	4,6 800	1,9 200	2,4 000	3,0 000	0,754 832	1,080 000

Примечание. Средн. – среднее значение; Ст. откл. – стандартное отклонение; Min, Max – минимальное и максимальное значения; Q1, Q2 (медиана), Q3 – первый, второй, третий квартили соответственно; IQR – межквартильный размах.

Таким образом, в результате первого этапа исследования были собраны эмпирические данные по пси-

холингвистически релевантным шкалам. Полученные в серии претестов данные позволили достичь постав-

ленной в работе цели – выявить корреляцию эмоциональной семантики лексем-диминутивов со смежными психолингвистически релевантными параметрами в сравнении с другими группами эмоциональной и нейтральной лексики с применением статистических методов (использовался пакет программ STATISTICA).

На первом этапе был выявлен характер корреляционных взаимосвязей между исследуемыми параметрами. Для анализа использовался непараметрический коэффициент корреляции Спирмена, так как после проверки распределения переменных на нормальность было установлено, что ни одна из выборок не подчиняется нормальному распределению.

В результате проведения корреляционного анализа были получены данные, позволяющие говорить о наличии статистически значимых корреляционных взаимосвязей между исследуемыми параметрами «субъективная частотность», «тип оценки», «степень эмоциональности», типовым контекстом сочетаемости и возрастом усвоения. Полученные результаты представлены в табл. 2.

В качестве наиболее важных для нашего исследования отметим следующие корреляции:

- прямая функциональная связь между параметрами «использование в разговорах с ребенком / взрослым» и «использование в разговорах о ребенке / взрослом» ($r = 0,919\ 037$), что фактически говорит об их идентичности для испытуемых и позволяет в дальнейшем использовать только один из параметров для анализа;

- прямая корреляционная связь между параметрами «оценка» и «использование в разговорах с ребенком / взрослым» ($r = 0,582\ 941$): чем более высоким является показатель оценки у слова, тем скорее оно будет использовано в разговоре со взрослым, чем с ребенком (о взрослом);

- прямая корреляционная связь между параметрами «возраст усвоения» и «использование в разговорах с ребенком / взрослым» ($r = 0,542\ 309$): чем позднее было усвоено слово, тем скорее оно будет использовано в разговоре со взрослым, чем с ребенком (о взрослом);

- прямая корреляционная связь между параметрами «частотность» и «использование в разговорах с ребенком / взрослым» ($r = 0,30\ 620$): чем более частотное слово, тем скорее оно будет использоваться в разговоре со взрослым, чем с ребенком (о взрослом);

- обратная корреляционная связь между параметрами «эмоция» и «оценка» ($r = -0,520\ 647$): чем более эмоциональным является слово, тем более положительной является выражаемая им оценка;

- обратная корреляционная связь между параметрами «эмоция» и «частотность» ($r = -0,433\ 067$): чем более эмоциональным является слово, тем оно менее частотно в употреблении;

- обратная корреляция между параметрами «эмоция» и «использование в разговорах с ребенком / взрослым» ($r = -0,467\ 210$): чем эмоциональнее слово, тем скорее оно будет использовано в разговоре с ребенком, чем в разговоре со взрослым;

- обратная корреляционная связь между параметрами «возраст усвоения» и «частотность» ($r = -0,402\ 450$): чем позднее было усвоено слово, тем менее частотным оно является.

Все отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,05$.

На втором этапе было проведено исследование специфики актуализации выявленных параметров в лексемах-диминутивах по сравнению с другими группами эмоциональной и нейтральной лексики.

Описательные статистики оценки параметров с распределением относительно представленных групп лексики представлены в табл. 3.

Таблица 2
Корреляции параметров (с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена)

Показатель	Тип оценки	Степень эмоциональности	Субъективная частотность	Разговоры с ребенком / взрослым	Разговоры о ребенке / взрослом	Возраст усвоения
Тип оценки	1,000 000	-0,520 647	0,247 536	0,582 941	0,557 618	0,212 371
Степень эмоциональности	-0,520 647	1,000 000	-0,433 067	-0,467 210	-0,448 791	-0,024 135
Субъективная частотность	0,247 536	-0,433 067	1,000 000	0,306 201	0,321 488	-0,402 450
Разговоры с ребенком / взрослым	0,582 941	-0,467 210	0,306 201	1,000 000	0,919 037	0,542 309
Разговоры о ребенке / взрослом	0,557 618	-0,448 791	0,321 488	0,919 037	1,000 000	0,518 212
Возраст усвоения	0,212 371	-0,024 135	-0,402 450	0,542 309	0,518 212	1,000 000

Таблица 3

Описательные статистики оценки параметров с распределением по группам стимулов

Параметр / Тип	Слова с положительной оценкой			Диминутивы			Слова с нейтральной оценкой			Слова с отрицательной оценкой		
	Средн.	Мин.	Макс.	Средн.	Мин.	Макс.	Средн.	Мин.	Макс.	Средн.	Мин.	Макс.
Тип оценки	2,4	1,02	3,44	2,8	1,23	5,22	3,8	1,25	5,47	5,7	3,69	6,89
Степень эмоциональности	3,2	1,59	5,27	3,7	1,46	5,86	1,6	1	4	4	1,81	6,04
Субъективная частотность	4,8	2,8	5,95	3,1	1,18	6,85	4,8	1,37	6,95	4,2	1,7	5,76
Разговоры с ребенком / взрослым	5	3,1	6,4	3,1	1,91	6,16	4,5	3,23	6,65	5,4	3,32	6,57
Разговоры с ребенком / взрослым	5,1	2,5	6,8	3,2	1,82	6	4,7	2,55	6,61	5,6	4,29	6,66
Возраст усвоения	3	1,5	4,16	2,4	1,26	4,63	2,4	1,04	4,68	3,3	2	4,24

Для выявления различий внутри выделенных групп стимулов полученные характеристики стимулов были проанализированы с использованием критерия Краскела–Уоллиса, который является непараметрическим аналогом одномерному дисперсионному анализу.

1. По показателю «субъективная частотность» диминутивы значительно отличаются от всех остальных групп слов (положительные – $p = 0,000\ 009$, нейтральные – $p = 0,000\ 000$, отрицательные – $p = 0,003\ 858$).

2. По параметрам «использование в разговорах с ребенком / взрослым (о ребенке / взрослом)» диминутивы значительно отличаются от всех остальных групп слов ($p = 0,000\ 000$), при этом средние значения диминутивов находятся на том уровне, где они оцениваются как те, которые используются скорее в разговоре с детьми, непроемные слова – используются и с детьми, и со взрослыми, положительные и отрицательные – скорее в разговоре со взрослыми.

3. По параметру «степень эмоциональности» диминутивы значительно отличаются от исходных нейтральных слов ($p = 0,000\ 000$), при этом диминутивы оцениваются как единицы, которые могут быть как эмоциональными, так и неэмоциональными, нейтральные – как неэмоциональные и близкие к ним.

4. По параметру «тип оценки» диминутивы значительно отличаются от исходных нейтральных слов ($p = 0,000\ 000$), а также от отрицательных единиц ($p = 0,000\ 000$). При этом диминутивы оцениваются как скорее нейтральные единицы, чем положительные, а отрицательные – как имеющие скорее отрицательную оценку, чем нейтральную.

5. По параметру «возраст усвоения» диминутивы и исходные нейтральные слова значительно отличаются от положительных и отрицательных слов ($p = 0,000\ 000$), но не различаются между собой. Диминутивы, как и нейтральные слова, были оценены как слова, усвоенные в промежутке от 2 до 5 лет.

Итак, по сравнению с тремя другими группами слов диминутивы являются наименее частотными, оцениваются как те, которые употребляются скорее в разговоре с детьми (о детях), могут быть как эмоциональными, так и неэмоциональными, а также характеризуются скорее как нейтральные единицы, чем положительные. Кроме того, они являются словами, которые усваиваются в довольно раннем возрасте согласно ответам испытуемых.

Исходя из оценок, данных словам с диминутивными суффиксами, можно сделать вывод о том, что контекстная реализация является действительно важным параметром для эмоциональных единиц в

целом, и для диминутивов в частности, поскольку слова такого типа оцениваются как те, которые могут быть и эмоциональными и неэмоциональными, т.е. предположительно на сдвиг эмоциональности в ту или иную сторону влияет контекст. Данный вывод подтверждает полученные ранее результаты о взаимодействии социального контекста и фактора эмоциональности.

Таким образом, проведенные эксперименты показали наличие статистически значимых корреляций выделенных параметров, что подтверждает нашу гипотезу о взаимовлиянии фактора эмоциональности с другими психолингвистическими характеристиками эмоциональных слов. Полученные результаты соотносятся с теоретическими постулатами и эмпирическими данными, выработанными в лингвистике с применением текстологических приемов анализа.

Внутригрупповой анализ данных по различным параметрам продемонстрировал специфику группы слов с диминутивными суффиксами по сравнению с нейтральными словами, другими группами эмоциональной лексики. Этот вывод также можно интерпретировать как доказательство психолингвистической релевантности описанного в лингвистической литературе своеобразия эмоциональности диминутивов по сравнению с другими средствами лексического маркирования указанных смыслов.

Вместе с тем в исследованиях диминутивов, проводимых в рамках собственно лингвистической традиции, отмечается значительная контекстная, в том числе тематическая и конситуативная зависимость реализации исследуемой семантики. Применяемые в работе методы не нацелены на анализ этого аспекта контекстного функционирования диминутивов, однако частично выводы, полученные при анализе претестов с оценкой типовых конситуаций общения – в разговоре с детьми и о детях, также соотносятся и развивают соответствующие выводы, полученные с применением лингвистических выводов. Однако психологическая и когнитивная релевантность идеи контекстной зависимости семантики диминутивов может быть получена с использованием других экспериментальных методик.

Отметим также, что выводы, сделанные в работе, позволяют объяснить противоречивость результатов, полученных в ранее проводимых экспериментах с использованием в качестве стимулов эмоциональных слов, проявлением действия смежных психолингвистически релевантных параметров слова, что, в свою очередь, обуславливает необходимость учета характера их корреляции в психолингвистических исследованиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данном случае мы не ставим задачу представить полный обзор работ собственно лингвистических и психолингвистических исследований, посвященных проблеме эмоциональности, сфокусировавшись лишь на двух аспектах разработки этой проблематики – типы семантики (шире – смыслов), относимые к данной категории, аспект взаимодействия эмоциональности со смежными категориями, что необходимо для объяснения принятых подходов при разрешении текущих задач исследования.

² Как было неоднократно установлено ранее в психолингвистических исследованиях, методики, направленные на установление субъективных оценок возраста усвоения слова, дают данные, устойчиво коррелирующие с полученными объективными данными [33].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск : Наука, 1986. 230 с.
2. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 143 с.
3. Матвеева Т.В. Экспрессивность русского слова. Palmarium Academic Publishing, 2013. 173 с.
4. Малинович Ю.М. Экспрессия и смысл предложения: проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1989. 213 с.
5. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981. 255 с.
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
7. Воейкова М.Д. Системно-грамматические функции диминутивов в усвоении русского языка ребенком. URL: <http://iling.spb.ru/grammatikon/child/vo.html>
8. Протасова Е.Ю. Роль диминутивов в детском дискурсе // Цейтлин С.Н. Проблемы детской речи. СПб., 1999.
9. Kensinger E.A., Corkin S. Memory enhancement for emotional words: Are emotional words more vividly remembered than neutral words? // *Memory & cognition*. 2003. № 31 (8). P. 1169–1180.
10. Aposhian L.J., Hertel P.T. Emotionality in free recall: Language specificity in bilingual memory // *Cognition & Emotion*. 1994. Vol. 8 (6). P. 503–514.
11. Scott G., O'Donnell P., Sereno S. Emotion words affect eye fixations during reading // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2012. Vol. 38 (3). P. 783–792.
12. Niedenthal P.M., Setterlund J.B. H. M. B. Being happy and seeing "happy": Emotional state mediates visual word recognition // *Cognition & Emotion*. 1997. Vol. 11 (4). P. 403–432.
13. Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. Vol. 11 (2). P. 147–164.
14. Kuperman V., Estes Z., Brysbaert M., Warriner A.B. Emotion and language: Valence and arousal affect word recognition // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2014. Vol. 143 (3). P.1065–1081.
15. Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке : учеб. пособие. Свердловск : Изд-во Урал, ун-та, 1986. 92 с.
16. Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 3–11.
17. Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. 436 с.
18. Резанова З.И. Именная диминутивная деривация в моделях выражения оценки // *Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова*. Томск, 2005. С. 196–234.
19. Sereno S.C., Scott G.G., Thaden E.J., Bo Yao, O'Donnell P.J. Emotion word processing: does mood make a difference? // *Frontiers in Psychology*. 2015. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01191
20. Kousta S.-T. et al. Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words. *Cognition*. 2009. DOI: 10.1016/j.cognition.2009.06.007
21. Wentura D., Rothermund K., Bak P. Automatic vigilance: The attention-grabbing power of approach-and avoidance-related social information. // *Journal of personality and social psychology*. 2000. Vol. 78 (6). P. 1024–1037.
22. Kuchinke L. et al. Pupillary responses during lexical decisions vary with word frequency but not emotional valence // *International Journal of Psychophysiology*. 2007. № 65.2. P. 132–140.
23. Méndez-Bértolo C., Pozo M.A., Hinojosa J.A. Word frequency modulates the processing of emotional words: Convergent behavioral and electrophysiological data. *Neuroscience letters*. 2011. Vol. 494 (3). P. 250–254.
24. Sheikh N.A., Titone D.A. Sensorimotor and linguistic information attenuate emotional word processing benefits: an eye-movement study // *Emotion*. 2013. № 13(6). P. 1107–1121.
25. Scott G.G., O'Donnell P.J., Leuthold H., Sereno S.C. Early emotion word processing: Evidence from event-related potentials // *Biological Psychology*. 2009. Vol. 80 (1). P. 95–104.
26. Larsen R.J., Mercer K.A., Balota D.A., Strube M.J. Not all negative words slow down lexical decision and naming speed: Importance of word arousal // *Emotion (Washington, D.C.)*. 2008. Vol. 8. P. 445–452.
27. Olafson K.M., Ferraro F.R. Effects of emotional state on lexical decision performance // *Brain and Cognition*. 2011. Vol. 45 (1). P. 15–20.
28. Резанова З.И., Васильева А.В., Позовкина К.С., Хабибулина А.С. Когнитивная обработка русских экспрессивных единиц: гендерное своеобразие // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 420. С. 74–81.
29. Васильева А.В. Особенности когнитивной обработки экспрессивной субстантивной семантики: экспериментальное исследование // *Язык и культура : сб. ст. XXVIII Междунар. науч. конф. (25–27 сент. 2017 г.)*. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. С. 17–24.
30. Позовкина К.С. Влияние экспрессивного стимула с отрицательной коннотацией на скорость реакции : гендерный аспект // *Седьмая международная конференция по когнитивной науке : тез. докл. (Светлогорск, 20–24 июня 2016 г.)*. М. : Ин-т психологии РАН. 2016. С. 494–495.
31. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М. : АСТ-Пресс Книга, 2008. 862 с.
32. Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Семантика диминутивных суффиксов в восприятии носителей русского языка : влияние контекстных и социальных факторов // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 421. С. 12–21. DOI: 10.17223/15617793/421/2
33. Zevin J.D., Seidenberg M.S. Age of acquisition effects in word reading and other tasks // *Journal of Memory and language*. 2002. Vol. 47 (1). P. 1–29. DOI:10.1006/jmla.2001.2834

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 марта 2019 г.

Emotionality of the Diminutive: The Relation with the Evaluation, Frequency, Age of Acquisition, Contextual Correlation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 445, 22–31.

DOI: 10.17223/15617793/445/3

Alina V. Vasilyeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alvasilevaa@mail.ru

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Keywords: diminutive; emotionality; evaluation; contextual correlation; frequency; age of acquisition; correlation analysis.

Based on the literature analysis and the previous studies' results, this article proves that the inconsistency of the results of the experimental studies of emotional vocabulary cognitive processing is determined by: (1) the heterogeneity of the empirical material, which belongs to emotional vocabulary; (2) the inconsistent differentiation of influence of emotional component and other components of emotional word syncretic semantics; (3) the insufficient differentiation of the emotionality factor and other psycholinguistic factors affecting word cognitive processing: *evaluation, contextual correlation, frequency, age of acquisition*. The object of consideration in this article is diminutives – a class of derived units, whose main function is to express the emotional-evaluative attitude of the speaker to the subject referred to by a base word. The aim of this article is to identify the correlation of emotional semantics with

relevant psycholinguistic parameters: evaluation, contextual correlation, frequency, age of acquisition; identification of the specificity of the correlation parameters of diminutives in comparison with emotional and neutral units of other classes. Diminutives were used as emotional stimuli in the study. They were opposed to the corresponding neutral non-derivative units and groups of words with positive and negative evaluation. 371 stimuli were used. By means of a 7-point Likert scale, the average scores on the parameters of emotion strength, type of evaluation, frequency, typical contexts of use, age of word acquisition were obtained. The stimuli were analyzed using nonparametric Spearman's correlation coefficient of STATISTICA software package. The correlation of emotional diminutives' semantics with selected psycholinguistic parameters in comparison with other groups of emotional and neutral vocabulary was revealed: a direct functional relationship between the factors "use in conversations with a child/adult" and "use in conversations about a child/adult" ($r=0.919037$); the direct correlation between "evaluation" and "use in conversations with a child/adult" ($r=0.582941$), "age of acquisition" and "use in conversations with a child/adult" ($r=0.542309$), "emotion" and "reaction speed" ($r=0.367116$); "frequency" and "use in conversations with a child/adult" ($r=0.30620$); reverse correlation between "emotion" and "evaluation" ($r=-0.520647$); "emotion" and "frequency" ($r=-0.433067$); "emotion" and "use in conversations with a child/adult" ($r=-0.467210$), "age of acquisition" and "frequency" ($r=-0.402450$). The analysis of diminutives conducted with the Kruskal–Wallis criterion showed significant differences in diminutives in all the studied parameters in comparison with other groups of emotional and neutral stimuli. These conclusions allow to explain the inconsistency of the results obtained in previous experiments by the influence of adjacent psycholinguistically relevant word parameters, the need to take into account the nature of their correlation in the ongoing psycholinguistic studies.

REFERENCES

- Luk'yanova, N.A. (1986) *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki* [Expressive Vocabulary of Colloquial Use: Problems of Semantics]. Novosibirsk: Nauka.
- Teliya, V.N. (1986) *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [The Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units]. Moscow: Nauka.
- Matveeva, T.V. (2013) *Ekspressivnost' russkogo slova* [Expressivity of the Russian Word]. Riga: Palmarium Academic Publishing.
- Malinovich, Yu.M. (1989) *Ekspressiya i smysl predlozheniya: problemy emotsional'no-ekspressivnogo sintaksisa* [Expression and Meaning of the Sentence: Problems of Emotionally Expressive Syntax]. Irkutsk: Irkutsk State University.
- Skovorodnikov, A.P. (1981) *Ekspressivnye sintaksicheskie konstruksii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Expressive Syntactic Constructions of the Modern Russian Literary Language]. Tomsk: Tomsk State University.
- Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
- Voeykova, M.D. (n.d.) *Sistemno-grammaticheskie funktsii diminutivov v usvoenii russkogo yazyka rebenkom* [System-Grammatical Functions of Diminutives in a Child's Russian Language Acquisition]. [Online] Available from: <http://iling.spb.ru/grammatikon/child/vo.html>.
- Protasova, E.Yu. (1999) [The role of diminutives in children's discourse]. *Problemy detskoj rechi* [Problems of Children's speech]. Proceedings of the All-Russian Conference. Saint Petersburg. 24–26 November 1999. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. (In Russian).
- Kensinger, E.A. & Corkin, S. (2003) Memory enhancement for emotional words: Are emotional words more vividly remembered than neutral words? *Memory & Cognition*. 31 (8). pp. 1169–1180.
- Anooshian, L.J. & Hertel, P.T. (1994) Emotionality in free recall: Language specificity in bilingual memory. *Cognition & Emotion*. 8 (6). pp. 503–514.
- Scott, G., O'Donnell, P. & Sereno, S. (2012) Emotion words affect eye fixations during reading. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2012. 38 (3). pp. 783–792. DOI: 10.1037/a0027209.
- Niedenthal, P.M., Halberstadt, J.B. & Setterlund, M.B. (1997) Being happy and seeing "happy": emotional state mediates visual word recognition. *Cognition & Emotion*. 11 (4). pp. 403–432.
- Pavlenko, A. (2008) Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon. *Bilingualism: Language and Cognition*. 11 (2). pp. 147–164.
- Kuperman, V., Estes, Z., Brysbaert, M. & Warriner, A.B. (2014) Emotion and language: Valence and arousal affect word recognition. *Journal of Experimental Psychology: General*. 143 (3). pp. 1065–1081. DOI: 10.1037/a0035669
- Matveeva, T.V. (1986) *Leksicheskaya ekspressivnost' v yazyke* [Lexical Expressivity in the Language]. Sverdlovsk: Ural State University.
- Blinova, O.I. (1983) Obraznost' kak kategoriya leksikologii [Figurativeness as a category of lexicology]. In: *Ekspressivnost' leksiki i frazeologii* [Expressivity of Vocabulary and Phraseology]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 3–11.
- Yurina, E.A. (2005) *Kompleksnoe issledovanie obraznoy leksiki russkogo yazyka* [A Comprehensive Study of Figurative Vocabulary of the Russian Language]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
- Rezanova, Z.I. (2005) Imennaya deminutivnaya derivatsiya v modelyakh vyrazheniya otsenki [Nominal Demonstrative Derivation in Models of Expression of Valuation]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Images of the Russian World: Axiology in Language and Text]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 196–234.
- Sereno, S.C. et al. (2015) Emotion word processing: does mood make a difference? *Frontiers in Psychology*. 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01191
- Kousta, S.-T. et al. (2009) Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words. *Cognition*. 112 (3). pp. 473–481. DOI: 10.1016/j.cognition.2009.06.007
- Wentura, D., Rothermund, K. & Bak, P. (2000) Automatic vigilance: The attention-grabbing power of approach-and avoidance-related social information. *Journal of Personality and Social Psychology*. 78 (6). pp. 1024–1037. DOI: 10.1037/0022-3514.78.6.1024
- Kuchinke, L. et al. (2007) Pupillary responses during lexical decisions vary with word frequency but not emotional valence. *International Journal of Psychophysiology*. 65 (2). pp. 132–140. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2007.04.004
- Méndez-Bértolo, C., Pozo, M.A. & Hinojosa, J.A. (2011) Word frequency modulates the processing of emotional words: Convergent behavioral and electrophysiological data. *Neuroscience Letters*. 494 (3). pp. 250–254. DOI: 10.1016/j.neulet.2011.03.026
- Sheikh, N.A. & Titone, D.A. (2013) Sensorimotor and linguistic information attenuate emotional word processing benefits: an eye-movement study. *Emotion*. 13 (6). pp. 1107–1121. DOI: 10.1037/a0032417
- Scott, G.G., O'Donnell, P.J., Leuthold, H. & Sereno, S.C. (2009) Early emotion word processing: evidence from event-related potentials. *Biological Psychology*. 80 (1). pp. 95–104. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2008.03.010
- Larsen, R.J., Mercer, K.A., Balota, D.A. & Strube, M.J. (2008) Not all negative words slow down lexical decision and naming speed: importance of word arousal. *Emotion*. 8. pp. 445–452. DOI: 10.1037/1528-3542.8.4.445
- Olafson, K.M. & Ferraro, F.R. (2011) Effects of emotional state on lexical decision performance. *Brain and Cognition*. 45 (1). pp. 15–20. DOI: 10.1006/breg.2000.1248
- Rezanova, Z.I., Vasil'eva, A.V., Pozovkina, K.S. & Khabibulina, A.S. (2017) Cognitive processing of an expressive word: gender specificity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 74–81. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/420/10

29. Vasil'eva, A.V. (2018) [Features of cognitive processing of expressive substantive semantics: an experimental study]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Proceedings of the XXVIII International Conference. Tomsk. 25–27 September 2017. Tomsk: Tomsk State University. pp. 17–24. (In Russian).
30. Pozovkina, K.S. (2016) [The effect of expressive stimulus with negative connotation on the reaction rate: gender aspect]. *Abstracts of the 7th International Conference on Cognitive Science*. Svetlogorsk. 20–24 June 2016. Moscow: Institute of Psychology RAS. pp. 494–495. (In Russian).
31. Babenko, L.G. (2008) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy* [The Great Dictionary of Russian Nouns: an Ideographic Description. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-Press Kniga.
32. Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2017) Semantics of diminutive suffixes in the perception of native speakers of the Russian language: influence of contextual and social factors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 421. pp. 12–21. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/2
33. Zevin, J.D. & Seidenberg, M.S. (2002) Age of acquisition effects in word reading and other tasks. *Journal of Memory and Language*. 47 (1). pp. 1–29. DOI:10.1006/jmla.2001.2834

Received: 14 March 2019